

СИБИРСКИЕ ЯЗЫКИ

О.С. Потанина

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ АБСТРАКТНЫХ ПОНЯТИЙ В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Томский политехнический университет

Настоящая статья посвящена некоторым вопросам изучения класса абстрактных имен существительных и проблеме выделения данного класса в языке. Мы рассматриваем также классификации внутри этого класса в хантыйском языке и другие способы языковой репрезентации абстрактных понятий. Концептуальный анализ абстрактных имен в хантыйском языке будет основываться на сопоставительном исследовании с привлечением данных атабаскского языка навахо.

Как известно, словарный состав языка представляет собой определенную систему, единицы которой распределяются по частям речи на основе их семантико-грамматических признаков. Внутри каждой части речи выделяются лексико-грамматические разряды слов, которые непосредственно связаны с определенными морфологическими категориями.

В области имен существительных, в зависимости от онтологического характера предметов обозначения, Н.Г. Комлев выделяет следующие семантические классы слов-понятий, которые группируются по этому признаку на: субстанциальные, процессуальные, абстрактные, конструктивные. Это деление базируется на образах реального и лингвомыслительного мира [1, с. 45]. Свою классификацию имен существительных предлагает З.Н. Вердиева. Она считает, что все имена можно распределить на пять лексико-грамматических разрядов: а) подкласс живых существ; б) подкласс предметных имен существительных; в) подкласс веществ; г) подкласс событий и д) подкласс абстрактных понятий [2, с. 66]. В данном случае семантический признак положен в основу классификации абстрактных существительных. Согласно ее точке зрения, можно выделить лексико-семантические группы абстрактных существительных, обозначающие состояния, действия, качества, количество, время, пространственную ориентацию, способности, метод действия, результат мыслительной деятельности, определенные системы (язык), сведения, информацию [2, с. 106–110].

В лингвистической литературе вопрос о таксономии класса имен существительных можно счи-

тать до сих пор открытым, так как в силу того, что критерии разграничения слов на абстрактные и конкретные недостаточно изучены и теоретически обоснованы, а границы между абстрактными и конкретными существительными относительно, многие предложенные классификации имен существительных можно считать весьма условными. На основе принципов словообразования и стилистической принадлежности В. Сташайтене распределяет абстрактные существительные, с одной стороны, деривационной, на: а) имена как таковые (час, пора); б) существительные, восходящие к прилагательным (теплота < теплый); в) существительные, восходящие к глаголу (ходьба < ходить). С другой стороны, стилистической, все абстрактные существительные могут быть сгруппированы в соответствии с имеющимися стилистическими категориями: метафоры, аллегории и т.д. Кроме того, автор отмечает возможность распределения данных лексем на группы в зависимости от характерного отличительного смыслового признака [3].

Референциальная теория значений, по мнению Е. Кубряковой, также не очень удачна при анализе абстрактных имен, поскольку не у всех слов есть визуальные аналоги, образы и не всем могут сопутствовать сенсорные представления, не все слова могут вызывать их при своем употреблении [4, с. 71].

В грамматиках современных языков (например, русского, английского, немецкого) отмечается, что в плане морфологии абстрактные существительные могут быть охарактеризованы как преимущественно суффиксальные образования и в подавляющем большинстве не имеющие категории числа.

В хантыйском языке морфологическое образование абстрактных имен существительных развито слабо, оно представлено лишь несколькими малопродуктивными словообразовательными суффиксами. Большинство абстрактных существительных хантыйского языка представляют собой односложные корневые слова, что говорит о более древнем их происхождении. Классификация, предложенная А.А. Уфимцевой, наиболее приближенно характе-

ризует класс имен существительных в хантыйском языке. А.А. Уфимцева выделяет конкретную, конкретно-абстрактную и абстрактную лексику, каждая из которых разбивается на более мелкие подгруппы. Так, к конкретной лексике, по мнению ученого, относятся имена, обозначающие: а) конкретные неодушевленные исчисляемые предметы; б) вещества и материалы; в) одушевленные лица и г) представителей животного мира. На границе абстрактной и конкретной лексики находятся слова, обозначающие: д) названия химических, физических и механических свойств; е) уникальные предметы физического мира, явления природы. В подкласс абстрактных имен включены: ж) имена ирреальных предметов и мыслительных конструктов; з) названия родовых понятий и к) имена метаязыковых понятий [5, с. 105, 108, 113; 6, с. 128–130]. Примером данной классификации в хантыйском языке может служить шкала конкретности–абстрактности.

Наивысшую степень абстрактности в хантыйском языке имеют общие имена, «безденотатные» имена. Примеров научных терминов, выражающих чисто теоретические понятия из различных сфер интеллектуальной деятельности человека, по известным причинам не обнаружено. Основным признаком, по которому выделяются абстрактные существительные, – это «отсутствие денотата, который существовал бы в виде отдельного предмета объективной и непосредственно наблюдаемой действительности» [7, с. 6–7].

Например:

(вас.) *il* «душа», *lil* «дух», *tordm* «бог», *junʃ* «дьявол», *tärj-aŋ junʃ* «злой дух», *kum* «время», *pormd̄s* «вещь», *t̄iŋ* «цена», *wer* «дело», *laŋ* «слух», *aj* «жалоба», *inär* «действие», *pilt-d̄w* «помощь», *unal juʃ* «веха», *wal-wd̄s* «жизнь», *aʃa* «удача», *t̄šäʃaf* «стыд, гадость» (окказиональная абстрактность), *q̄iŋ* «беда», *q̄or-d̄s* «ноша», *ärjan* «долг», *q̄an'-wd̄s* «болезнь», *ʃq̄ar* «зараза», *tuj* «яд, отравка», *ip* «жертва», *alaŋ* «начало, сначала», *ewjal* «запах», *q̄onör* «мгновение», *jönä* «основа», *sermja* «уровень», *q̄or* «образ»;

(вах.) *jol* «колдовство», *q̄or-as* «внешность», *nul-wd̄s* «клятва», *lal̄dm-wd̄s* «воровство»;

(шур.) *aj pora* «детство», *aj* «новость», *altel* «бремя, ноша», *an'* «польза», *art* «время, возраст», *woy-aps̄d* «просьба, призыв», *kaf̄i* «болезнь», *liʃ* «дыхание», *liʃ fuw* «воздух», *liʃal'* «борьба, война», *tuf* «болезнь, рана», *njöt-aps̄d* «помощь», *nufa* «бедность», *n̄iʃ* «ноша», *ontas* «польза», *part-aps̄d* «просьба», *poj̄k* «просьба, мольба», *goraʃ* «обман», *ripata* «работа», *sarm* «смерть», *sart* «беда», *sjas'* «чутье», *toras* «препятствие», *t̄iŋ* «цена», *ul-aps̄d* «жизнь», *umas'* «чудо», *yanja* «тайна», *ʃitam* «тишина», *epal* «запах, вкус».

В «Русской грамматике» отмечается, что абстрактные существительные обозначают различные

понятия времени, меры, массы, веса, расстояния, понятия категорий предметного мира, географические реалии, астрономические и природные явления, понятия, относящиеся к миру человека, к умственным, нравственным, психическим, социально-нормативным сферам его деятельности [8, с. 462].

Ниже по шкале абстрактности следуют имена, называющие обобщенные черты качеств, состояний, присущих человеку (связанные с интеллектуальной, психологической деятельностью и моралью).

Например:

(вас.) *wij* «злость, хитрость», *nam-d̄s* «ум», *wöy* «сила», *njalq̄i-wd̄s* «радость», *os* «терпение», *tus* «умение»;

(вах.) *p̄it-wd̄s* «злость», *liŋ-wd̄s* «упрямство»;

(шур.) *amt-aps̄d* «радость», *wew* «слабость», *wura* «упрямство», *el̄dm* «стыд», *liʃ* «злость», *mutra* «мудрость», *oi* «счастье», *paltap* «страх», *ren'* «сила», *q̄or-as* «внешний вид, красота», *anja* «красота», *jur* «гордость», *kaf* «веселье», *lepalt-aps̄d* «обман», *marem* «скука», *maf* «каприз», *num-as* «ум», *nur* «вина», *olam* «сон», *šjöm* «сила», *šjun'* «счастье, богатство», *q̄or-am* «красота, украшение», *fuk* «горе, лень», *jast-aps̄d* «обещание, долг».

Далее следуют понятия времени, меры, веса, расстояния.

Например:

(вас.) *kjalva* «расстояние до видимого», *q̄ow-at* «длина», *ket* «период». Эти абстрактные существительные часто оформляются посессивными суффиксами: *jeʃat-al* «его размер», *q̄amatat-al* «его длина», *pjalat-am* «мой рост»;

(шур.) *wut-aŋ* «ширина», *jis* «век», *kum* «время», *kut* «период», *lawart* «тяжесть», *low-at* «размер», *pal* «рост», *juw-at* «длина».

Ученые единодушны в отношении того, что обозначают или подразумевают абстрактные существительные, нельзя увидеть или потрогать. То есть их денотаты непредметны, они не принадлежат к конкретному физическому миру. «За собственно абстрактными субстантивами стоит мир метафизический, а за всеми абстрактными именами – мир невидимый» [9, с. 286].

Наиболее приближенными к классу конкретных имен оказываются слова, отсылающие к объектам реальности (посредством конкретных слов, формирующих абстрактное понятие). Эта группа немногочисленна. Сюда же можно отнести имена уникальных объектов, реалий, природных явлений.

Например:

(вас.) *para* «стая», *jaʃ* «народ», *waj-q̄i* «табун, стая», *if* «запас», *täs'* «имущество»;

(шур.) *woi-yul* «стадо», *jöy* «народ», *let̄d̄t* «еда», *porm-d̄s* «утварь», *pukt* «стая», *rut* «родня», *tas'* «богатство, стадо», *sop-d̄s* «запас»;

(вас.) *masam, kjatäm* «жара», *ir* «ненастье», *meľäk* «теплота»;

(шур.) *ički* «холод, мороз», *jölay* «прохлада», *ert* «дождь», *meľdk* «оттепель», *nai* «солнце», *nuľju* «радуга», *ruw* «жара», *turđm* «небо», *tiľaç* «луна», *yatl* «солнце, день», *yus* «звезда», *yuc* «рассвет», *yutl-đp* «заря», *fuw* «туман».

Х.-Й. Шмид выделяет так называемые абстрактные shell nouns, которые являются важным универсальным лингвистическим и концептуальным средством, мощным орудием характеристики высказывания, выражения своего отношения и даже манипуляции своими и чужими идеями [10]. С помощью таких абстрактных существительных говорящий может описать «кусочек» своего опыта в довольно общем виде, поскольку слово периодически употребляется и относится к определенному типу опыта, и эта повторяющаяся ассоциация между языковой формой и идеей приводит к формированию более или менее устойчивого понятия [10, с. 15–16].

В работах лингвистов встречаются также следующие термины для обозначения таких существительных, как shell nouns у Х.-Й. Шмида: у Вендлера [11, с. 72–82] – это container nouns; у Халлидея и Хасана [12, с. 274–277] – general nouns (напр., вещь, предмет, дело, место, идея и т.д.), которые в основном служат для связности текста; у Болингера [13] и Уинтера (цитата по: [12]) – unspecific nouns; у Франсиса (цитата по: [12]) – anaphoric nouns (существительные «познания» – анализ, концепт, сомнение, перспектива, вид и т.д.; «бесхозные» существительные – аспект, контекст, факт, вопрос, проблема); у Кренна (цитата по: [12]) – «lexical references» (вещь, суть, вопрос); у Иванича (цитата по: [12]) – cartier nouns.

В случае исследования семантики абстрактного имени метод компонентного анализа семантики слова «уступает место концептуальному анализу, формализующему то, что знает интуиция, что существует в коллективном бессознательном и выражается языком в действии (речью)» [9, с. 286].

Эмоциональные концепты, такие как «счастье», например, не находят своего прямого и точного отражения в хантыйском языке. Тем не менее, выразительного потенциала языка достаточно для того, чтобы выразить эмоциональные состояния человека. На примере эмоциональных концептов «счастье», «радость» и «страх» мы попробуем выявить специфику выражения этих абстрактных понятий в хантыйском языке и сравним языковые интерпретации этих понятий с их интерпретациями в языке навахо.

Счастье понимается и носителями хантыйского языка и навахо в первую очередь как удача, успех и благосостояние:

(шур.) *oi* «счастье»

(шур.) *sjun* ' «счастье, богатство»

(алекс.) *im wişđm* «Я живу хорошо»

(нав.) *hózhó náhástlii'* досл. «все стало снова хорошо»

(нав.) *hózhó 'ó úná ádoohhiť* досл. «вы (двое) хорошо устройте свою жизнь»

(нав.) *hazhó 'ó naniná* досл. «осторожно иди (по жизни)»

Примеры выше дают основание заключить, что счастье носителями обоих языков понимается как везение, удачно складывающиеся жизненные обстоятельства.

Но в обоих языках также обнаруживаются примеры, которые демонстрируют связь понятия счастья с состоянием удовольствия, удовлетворения и радости.

(алекс.) *jemeki* «хороший»

(алекс.) *mänä jemeki* «я чувствую себя хорошо»

(алекс.) *mä tistaldm* «я грущу»

(нав.) *hózhó* «доброта»

(нав.) *nizhóni* «красивый»

(нав.) *hózhóni* «хороший, добрый»

(нав.) *shiť hozhó* «я счастлива»,

(нав.) *biť hózhó* «он счастлив»

Можно отметить, что в обоих языках находит выражение инвариантная часть концепта счастье, которая отражает общую форму человеческого отношения к миру.

Концепт «радость» понимается носителями обоих языков как внутреннее состояние человека. В языке навахо также обнаруживается важность чувства радости для толкования понятия счастья.

(шур.) *amtapsđ* «радость»

(шур.) *kaf* «веселье»

(алекс.) *jemeki* «хороший»

(алекс.) *mänä jemeki iki* «мне хорошо (весело)»

(алекс.) *manä atamaki iki* «мне плохо (грустно)»

(каз.) *sametan amđt tailđm* «в сердце радость держу»

(вас.) *mä nätläysđm* «я веселюсь»

(вас.) *njal'kijwđs* «радость»

(нав.) *biť hózhó* «он/она счастлив»

Из этих примеров следует, что «радость» носителями обоих языков понимается как внутреннее состояние духа субъекта. Данные примеры не свидетельствуют о том, что такое состояние может включать в себя отношения двух субъектов: как радовать кого-то или кто-то (что-то) радует меня.

Анализ этих примеров позволяет исследовать определенные части концепта, которые репрезентируются в данных языках, какие различия и сходства в мировоззрении носителей этих языков они обнаруживают.

В заключение можно отметить, что при недостаточных внутренних словообразовательных ресурсах в языке тем не менее находят свое выражение сложные абстрактные понятия, хотя сопоставительный анализ свидетельствует, что четких описательных моделей не существует.

Литература

1. Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М., 1992.
2. Вердиева З.Н. Семантические поля в современном английском языке. М., 1986.
3. Сташайтене В. Абстрактная лексика на материале старобелорусских письменных памятников XV–XVII веков. Вильнюс, 1973.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
5. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М., 1974.
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986.
7. Феокистова Н.В. Формирование семантической структуры отвлеченного имени. Л., 1984.
8. Русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1, 2.
9. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
10. Schmid H.-J. English Abstract Nouns as Conceptual Shells: from Corpus to Cognition // Topics in English Linguistics 34 (eds. Kortmann B., Traugott E.C.). Berlin, New York, 2000.
11. Vendler Z. Adjectives and nominalizations. Papers on formal linguistics 5. The Hague, Paris, 1968.
12. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. London, New York, 1976.
13. Bolinger D. Meaning and form. London, New York, 1977.
14. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). Томск, 1996.
15. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Л., 1985.

Принятые сокращения

алекс. — александровский диалект хантыйского языка, вас. — васюганский диалект хантыйского языка, вах. — ваховский диалект хантыйского языка, шур. — шурышкарский диалект хантыйского языка, нав. — навахо.

П.М. Кузнецов

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЗНАКА ПРЕДМЕТА В ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Томский государственный педагогический университет

Под средствами выражения признака предмета (СВПП) мы понимаем совокупность лексических единиц, которые могут употребляться в функции определения к именам существительным. Предмет понимается нами в широком смысле: он может быть конкретным и абстрактным, одушевленным и неодушевленным.

Сначала рассмотрим морфологически неоформленные СВПП, которые мы называем формами основного падежа существительного в роли средств выражения признака предмета (ФОПС СВПП), так как они формально совпадают с основным падежом существительного. Представляется возможным провести классификацию данных определений по критерию атрибутивных отношений, существующих между определяемой и определяющей основами, в результате чего выделяются разряды ФОПС СВПП, где последние обозначают: 1) признак, связанный с принадлежностью определяемому лицу или границам территории, напр.: *as'i nam* (шурш.)

‘имя отца’ (*as'i* ‘отец’, *nam* ‘имя’) [1, с. 19]; *jäyäl äysäl* (вас.) ‘гриб, произрастающий в березняке’ (*jäyäl* ‘березняк’, *äysäl* ‘гриб’) [2, с. 65]; *pan rit* (шурш.) ‘песок на отмели’ (*pan* ‘отмель’, *rit* ‘песок’) [1, с. 93]; 2) признак, связанный с тем, что определяемое является частью целого, напр.: *oypi aŋkäl* (тр.-юг.) ‘дверной косяк’ (*oypi* ‘дверь’, *aŋkäl* ‘столб’) [2, с. 24]; *sohäl wur* (каз.) ‘край доски’ (*sohäl* ‘доска’, *wur* ‘край’) [3, с. 23]; 3) признак, связанный с национальным происхождением определяемого, напр.: *səran oŋk* (вах.-вас.) ‘сера зырян’ (смола) (*səran* ‘зыряне’, *oŋk* ‘сера’) [2, с. 447]; *ur hot* (шурш.) ‘ненецкий дом’ (чум) (*ur* ‘ненец’, *hot* ‘дом’) [1, с. 83]; 4) признак, связанный с отношением определяемого к биологическому виду (флоры или фауны), а также к части тела или ко всему телу человека или животного, напр.: *n'ayər löy* (вах.-вас.) ‘скорлупа кедровых орехов’ (*n'ayər* ‘кедр’, *löy* ‘кость’) [4, с. 995]; *mojpar hot* (каз.) ‘берлога’ (*mojpar* ‘медведь’, *hot* ‘дом’) [4, с. 896]; 5) признак, связанный